

Кира возвращалась с курсов английского языка в пятницу вечером, когда незнакомец в маске, проскользнувший за ней к лифту, напал сзади и, приставив нож к горлу, яростно зашипел в ухо:

— Заорёшь — убью! — двумя руками он держал её за шею, острое лезвие впилось в пульсирующую артерию.

От страха у Кирь помутнело в глазах.

— Что вам надо? — жалобно прохрипела она.

— Деньги давай.

Кира облегчённо вздохнула, беззвучно. Страх смерти отступил перед перспективой быть ограбленной. Она достала из сумочки кошелёк, протянула грабителю несчастные гроши. Тот схватил тонкую подборку купюр, довольный, сунул себе в карман.

— Мне придётся связать тебе руки и заклеить рот, чтобы было время убежать.

Бандит извинялся? Кира улыбнулась краешком губ, легонько кивнула головой. Благородный грабитель, нечего сказать! Впоследствии, анализируя события того вечера, она каждый раз приходила к выводу, что допустила фатальную ошибку именно в тот момент, когда позволила заклеить себе рот и связать руки. Она могла бы вырваться и убежать, позвать на помощь. По крайней мере заорать на весь подъезд. Вместо этого она предоставила человеку в маске полную свободу. Она была слишком напугана, к тому же извиняющийся тон бандита подействовал на неё опьяняюще. Он преклонялся перед гением красоты, подумать только! Красотки всегда так реагируют на комплименты и лесть: им кажется, что красота пробуждает благородство даже в самом чёрством сердце.

Бандит связал ей руки и ноги, заклеил рот, взвалил на плечо и аккуратно вынес из подъезда. Если бы мимо проходили люди, они бы несомненно спасли Киру. Если бы кто-нибудь спустился в лифте, то спугнул бы похитителя. Но всё произошло так стремительно, что Кира не успела опомниться.

Её погрузили в багажник, хлопнула сверху крышка. Она была профессионально обездвижена пластиковыми стяжками, широкая полоса прозрачного скотча надёжно сковывала рот. Кире оставалось только брыкаться, мычать и бить ногами.

Машина тронулась с места, Кира в этот момент умом. Они ехали сначала по асфальту минут тридцать, потом, судя по всему, по грунтовой дороге. Кира успела представить всё самое ужасное, что с ней может случиться. Она боялась смерти, боялась быть изнасилованной, боялась заражения СПИДом. Но никак не ожидала, что её могут похитить. Теперь её точно изнасилуют, в самой извращённой форме, думала она. Затем убьют самым зверским способом. У неё нет шансов, маньяк отрежет ей соски, язык, клитор. Или снимет кожу, или скальп, или выколет глаза. Она понимала, что шансов выжить у неё нет, и готовилась принять смерть. Кира плакала, думая о маме. Просила прощения у папы за неосторожность. Тот волновался больше остальных, когда она поздно возвращалась домой. Она жалела себя, несбывшиеся мечты грустно промелькнули перед глазами.

— Я не собираюсь тебя убивать, — привёл её в чувство маньяк, вынимая из машины.

Она бы хотела ответить ему, что он и так уже обманул её один раз, но рот у неё был заклеен, и она только бросила на похитителя яростный взгляд.

Мужчина был в чёрной маске с прорезями, чёрной водолазке, джинсах. Он был старше её, жилистый, широкий в плечах, как борец. Она была выше его ростом, но то, с какой лёгкостью он запаковал её в машину, не могло не внушить ей чувство отчаяния.

— Если вы отпустите меня, я никому не скажу, — сдерживая слёзы, пролепетала она, когда он сорвал скотч.

Кира сидела перед мужчиной на бетонном полу в каком-то гараже частного дома. Она была в голубых джинсах, чёрных модных сапожках, высоких, со шпилечкой и золотой бляшкой на косточке. Верхняя часть тела покрывалась серым вязанным пончо, как у мексиканских фермеров. Не хватало только ослика и шляпы с широкими полями. Похититель спокойно занимался осмотром багажника, словно не замечая её. Он отвлёкся, обернулся и, усевшись на край багажника, сложил руки крест-накрест. Ситуация явно забавляла его:

— Можешь говорить кому хочешь. Мне даже интересно, что ты скажешь.

Голос у него был мужественно бархатный, как тогда в подъезде, когда он извинялся. Острые голубые глаза мужчины, блестевшие похотью, привели её в чувство. Оставалась надежда, что он действительно не собирается её убивать.

— Что вам надо? — с вызовом произнесла она.

— Хочу научить тебя кое-чему. Когда ты поймёшь, как это прекрасно, то не захочешь никому рассказывать. Ты поменяешься, вот увидишь, — он был одержим, безумен, пугающе прекрасен, как она потом вспоминала.

Он приблизился и накрыл её рот ватно-марлевой повязкой, пропитанной чем-то. Она только начала возмущаться, как потеряла сознание.

###

Кира медленно приходила в себя. Тусклый жёлтый свет, льющийся с потолка, обволакивал небольшую комнату, похожую на подвальное помещение. Ниши окон у самого потолка были забиты фанерой. Она мотнула головой, рванулась, но тут же ощутила десятки кожаных ремней, которые словно паутина удерживали тело. Она лежала голая, пристёгнутая к гинекологическому смотровому креслу. Ноги, раздвинутые в стороны, были задраны вверх. Руки прижимались по швам, голова, плечи, притянутые ремнями, прилипли к дерматину. Ремни впивались в кожу, когда Кира дёргалась. Шансов вырваться не было. Она лежала с заклеенным ртом, распахнутая для насилия.

Свет померк, как в театре, потекла слизкая негромкая музыка, расслабляющая.

Он обещал не убивать, думала Кира. Если бы хотел убить, давно бы сделал это. Лица она не видела, номера машины тоже. Она ничего не знает, ничего не может рассказать. Надо объяснить ему, как только появится такая возможность.

Он отделился от темноты, беззвучно скользнул мимо, приблизился своим лицом в маске к её зафиксированной голове. Она хлопнула ресницами, встретившись с непроницаемым водянистым взглядом. Она лежала перед ним голая, перетянутая ремнями, скотч плотно удерживал губы. Хлопнула ещё раз веками, слеза покатилась по виску. Он поймал её кончиком языка, собрал в ложбинку.

Противный, слизкий кончик языка изучал её солёный вкус. Она закрыла глаза, новые капли навернулись у переносицы. Язык вынимал их. Ничего не могла с собой поделать. Хотелось плакать, хоть и понимала, что это может вызвать ярость у насильника.

Он оставил её лицо в покое. Ладони, обтянутые тонким молочным латексом, заскользили по её животу, спустились на бёдра. Он гладил её. В комнате было тепло, но её знобило. От страха.

«Подготавливает к сексу», — Кира не была девственницей, надеялась уйти как минимум непокалеченной.

Его рот, дыхание полетели по ногам с внутренней, уязвимой стороны. Он двигался к влагалищу. Язык, мокрые поцелуи намекали на скорую встречу с горячим.

Кира любила куни. От любимого мужчины, но не от насильника. Отвращение к извращенцу передалось ей странным образом. Она чувствовала себя грязной, грязь слоны, эти мягкие касания вызывали внутренний протест, отвращение к себе.

И когда язык насильника скользнул по губам влагалища, она вся сжалась, живот задрожал. Он расценил это, как симптом, признак большого удовольствия, положил резиновую ладонь на лобок, удерживал дрожание живота.

Он лизал её, разглаживал влагалище мокрыми шершавыми мазками. Заигрывал с верхней складочкой клитора, нырял в дырочку у основания груши.

Постепенно отвращение в душе Кирьи уступало место апатии. Она смирялась с положением узницы, удовлетворяемой поневоле.

«Хоть не больно», — всхлипывала она про себя, слёзы вновь катились по вискам.

Солоноватые следы подсыхали холодными руслами ручейков.

Он встал и стянул с себя джинсы. Она вдруг увидела со всей отчётливостью тугой член, палкой торчащий между ног. Это и успокоило, и ужаснуло её. Как мало нужно для спокойствия!

Затем он не спеша раскатал презерватив, чем ещё больше смущил её. «Аккуратный мерзавец!» — гнев на секунду выплеснулся наружу, но она тут же вернулась в исходное состояние. Это ещё не конец!

Её будут трахать против воли, а значит удовольствия в этом мало.

«Лиши не садист», — молилась она про себя.

Как в замедленной съёмке, он приставил колом торчащий член к разморенному слюной влагалищу и, наслаждаясь каждым сантиметром книжного путешествия (книжного, потому что высота его члена равнялась высоте добротного томика на полке в библиотеке, не карманного экземпляра, а хорошего словаря в твёрдом переплётё), он забрал Киру до грудного вздоха. Она не знала такой глубины, казалось, член-монстр распирает её изнутри, пробирает в матку и там ищет пути выхода. Безрезультатные поиски заставляют его пятиться, чтобы вновь повторить заход.

Насильник трахал её не грубо, с некоторой долей безразличия, и Кире даже начало казаться, что так и должно быть. Она по-прежнему лежала с закрытыми глазами, пыталась отстраниться от дел. Пока телом пользовались, она ничего не могла сделать. Позже она будет думать о случившемся с сожалением. Сейчас главное выжить.

— Открой глаза, — сказал он. Она услышала в этом голосе добрый знак, нотки просьбы, и побоялась ослушаться.

Он склонился над ней в своей маске, чёрной водолазке. Его толстый член тело ходил в горячем возбуждённом влагалище. К стыду своему Кира получала некое подобие физического удовольствия.

До сих пор она усиленно дышала носом. Он наклонился и сорвал скотч, свежесть ворвалась в рот и лёгкие. Кричать у неё не было смелости, притворно стонать — пошлости.

Губы насильника выдавались в маске отдельным пятном. Большие мясистые подушечки, почти как у неё, накрыли рот. Поцелуй, последний рубеж, рассеял завесу отчуждения. Он лез

в душу.

Чтобы обмануть ожидания, она принялась работать губами и языком. В поцелуе каждое мгновение дорого. Перехватить инициативу, она не будет играть по его правилам. Может укусить. Это будет стоить жизни. Или не будет?

Она видела возможность подыграть, чтобы расслабить внимание, усыпить бдительность насильника. Чтобы потом ускользнуть, упорхнуть, когда он проявит доверие. Если. Так ей хотелось жить!

Он включился в игру, поверил, что она хочет его. Страстный поцелуй подкрепился ускорением с его стороны. Он влетал в неё с бешеною скоростью, прибивая гладко выбритое влагалище провисшей мошонкой размером с кулак. Она не заметила, как сама превратилась в насильника. Скорость траха переметнулась на неё похотью. Она чувствовала себя грязной развратной девкой, которую поймали во дворе, сношают без презерватива за неимением лучших вариантов. Грязь льётся через рот, перетекает во влагалище, она соскользнула в эти мысли, чтобы окончательно не свихнуться. Стала грязной, чтобы не испачкаться.

Мужчина накинул кожаный ремень на шею, непонятно откуда взявшийся. Ремень сразу перетянул горло, и Кира хрипами пожалела, что согласилась играть. Воздуха стало очень мало, мурашки посыпались по коже куриными пупырышками, вернулись к голове мятным холодом. Она хрипела, выкатывая зрачки, а он накрывал её снова и снова пухлыми губами, заигрывая языком. Теперь она его укусит! В моменты поцелуя жизни он ослаблял хватку, давал ей себя подышать, подышать собой, потом вновь ограничивал кислород. Мурашки тёплыми волнами сходила до пят. Так он контролировал ситуацию, в которой она больше не чувствовала себя равноправной участницей. Как коварна обманчива роль женщины в сексе. Страх смерти заставил Киру забыть о многих моментах бытия. Вот она неотвратимая реальность: он задушит её, хоть и обещал не убивать. А потом закопает в лесу, и никто никогда не узнает, что случилось с девочкой Кирой, почему она не вернулась поздно вечером домой.

Слёзы вновь покатились ручьями из глаз. Кира страдала, задыхалась от кислородного голодаия. А он трахал её, беспощадно отдаваясь животной похоти. Её кожа стала фаянсовой, от бесконечных сходов лавин, озnobов, Кира чувствовала вокруг себя тонкий хитиновый слой, мятный,держивающий её на плаву. В невесомости, без ремней она летела в пропасть.

Он прекратил подачу кислорода, и Кира отправилась в бесконечное путешествие по бескрайней пустоши Смерти. Она смотрела выкаченными стеклянными зрачками, карими, на звериное тело мужчины, вытрахивающее из неё последние остатки жизни, понимала, что он уже не остановится, пока сам не кончит, что она уже покойник и её смертельная конвульсия лишь усилит ему удовольствие. Он придумал всё ради этого момента согласия: её смерти и его оргазма. Он кончит в умирающем агонизирующем теле. Его острый взгляд кобры, гипнотизирующий, проникнет в душу. Здесь только ты и я, и я твоя, шептала она. Он убьёт тебя, возьмёт вину на себя.

Тело начало неадекватно реагировать на бесконечные проникновения, которыми насильник решил затыкать её до смерти ещё до удушения. Он уже не встречал упругости сопротивления, она стала дыркой для него. Хлюпающей сочной дыркой, грязной, которую он сношал с безумной силой. Влагалище сжалось в кулак, в глазах потемнело. Тело сдалось и забилось в оргазме.

Кира умирала.

Он опять накрыл её рот своим и отпустил ремень в свободное плавание. Кира жадно глотнула чужие губы, он не давал больше. Она тянула, ревниво, как голодный младенец. Эйфория даже этих скучных вдохов связалась с оргазмом, навязанным внизу. Тело сотрясалось от утоляемого голода. Казалось, каждый глоток воздуха осеменяет клеточки мозга миллионами новых соединений. Кира вдруг осознала, что ей только что подарили жизнь, и странное чувство благодарности к человеку, который сначала отнимал эту жизнь, наполнило её существование. Она перестала бояться. Как человек, побывавший там, она освободилась от страха, неизвестности. Она поменялась. Она любила этого незнакомца, обожала его за эту простую истину. Она хочет жить, она будет жить! На короткий миг она растворилась в нём, забыв про обстоятельства встречи. Словно разум отключился, остался лишь звериный инстинкт выжить любой ценой, даже если для этого придётся стать самкой самого сильного самца. Мастера.

Он кончил за ней, она видела по плавно закрывающимся векам, что его срыв будет такой же красочный. С диким рёвом он застыпал в ней твёрдой палкой, впрыскивал горячее семя в матку, ему суждено будет остаться в презервативе.

###

Я аккуратно стягиваю ремень на тонкой шее:

— Так нормально?

— Можешь ещё чуть-чуть, — Кира возбуждённо дышит. Её хрипы пугают, равно как и желание кончить без кислорода. Она лежит связанная верёвкой, беззащитная, виновато улыбается, лицо покрыто бордовыми пятнами, слюной от поцелуев.

Я не люблю играть в удушение, в этот есть что-то страшное, непонятное. Но Кира хочет освободиться, и я люблю её.

— Ты не знаешь, что значит быть там и быть здесь, — яркие прозрачные шарики скатываются по глазам. Она плачет и улыбается.

— Я тебя ущипну, — успокаивает.

— А если я не замечу?

— Ничего не бойся, я люблю тебя, — улыбается светлой улыбкой.

Я знаю, она хочет, чтобы я не заметил, хочет забыть ущипнуть, или не успеть, или не дотянуться. Этого я и боюсь: она хочет, чтобы я задушил её, освободил. Избавил от вины.

Надеваю чёрную маску с прорезями, резко вхожу в Киру.

Так, наверное, больно. Она морщится.

Бью её изо всех сил бёдрами, Кира быстро теряет контроль.

Я не умею освобождать. Я не Мастер. Но я попробую, потому что она моя.